





КСЕНИЯ  
БУКША

ЧУРОВ  
*и* ЧУРБАНОВ

Роман

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ



РЕДАКЦИЯ  
ЕЛЕНА  
ШУБИНОЙ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Б90

Художественное оформление *Виктории Лебедевой*

Рисунок на переплёте и иллюстрации *Ксении Букши*

Роман публикуется с сохранением авторской орфографии  
и пунктуации

Книга публикуется по соглашению с литературным  
агентством ELKOST Intl

**Букша, Ксения Сергеевна.**

Б90 Чуров и Чурбанов : роман. / Ксения Букша. —  
Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены  
Шубиной, 2020. — 284, [4] с. — (Роман поколения).

ISBN 978-5-17-120132-6

Ксения Букша (р. 1983) – автор получившего премию «Национальный бестселлер» романа «Завод “Свобода”», биографии Казимира Малевича, сборника рассказов «Открывается внутрь» о всевозможных человеческих судьбах. В её прозе сочетается жёсткий реализм и лиричность, юмор и гротеск.

«Чуров и Чурбанов» – полный киношной движухи короткий роман с непредсказуемым сюжетом и густой, мрачноватой питерской атмосферой.

Живёшь-живёшь, и вдруг выясняется, что у тебя есть двойник, чьё сердце бьётся синхронно с твоим. Да не просто двойник, а твой бывший одноклассник: отличник или, наоборот, подозрительный тип, с которым у тебя решительно ничего общего в жизни быть не может.

Ничего, кроме смерти.

**УДК 821.161.1-31**  
**ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-120132-6

© Букша К.С., 2020  
© ООО «Издательство АСТ», 2020

## Оглавление

1. Чёрное сердце .....	7
2. Анатомия двуглавого орла .....	26
3. Мечтатели .....	40
4. Отец .....	58
5. Тестомешалка .....	75
6. Чуров блюз .....	91
7. Чурбанов блюз .....	105
8. Знаки .....	115
9. Слепое пятно .....	131
10. Сердце нормально .....	153
11. Встречка .....	174
12. Валентинка .....	189
13. С лёгким сердцем .....	205
14. Максидом .....	219
15. По-настоящему опасно .....	236
16. Вопрос закрыт .....	247
17. Начало .....	275



## 1. Чёрное сердце

Февральским тёплым днём ученик Иван Чуров шёл по улице — сляк-сляк, сляк-сляк. Был он рыхловат, тяжеловат, одет бедно. Сердце его колотилось как бешеное. Тротуары тонули в сыром снегу, на дороге разлились моря, в которых отражалось высокое светло-серое небо.

Скользя на ступеньках, Чуров спустился по лесенке в подвальчик канцелярского магазина. Ноги разъехались, и чтоб не упасть, пришлось Чурову ухватиться за ручку двери, распахнуть её и стремительно ввалиться внутрь. У дверей стоял баллон с гелием для шариков. Чуров с разлёту так наподдал ему дверью, что баллон загудел.

— Потише! — сказала продавщица.

— Ой, простите, — извинился Чуров.

В магазине было тепло, и Чуров мгновенно вспотел. Он стянул шапку, но это не помогло. Сломанную молнию на куртке мать застегнула и зашила, так что снять куртку Чуров мог бы только через голову. От тяжёлого рюкзака ломило плечи. Молния на сапогах давно разошлась, её зашить было невозможно, поэтому ноги у Чурова всегда были мокрые.

Чуров сделал несколько нерешительных шагов к витрине. Пахло карандашами. Чуров любил этот запах. По вискам потекли капли пота.

— Не опирайся на стекло, — сказала продавщица.

Чуров прокашлялся.

— Вы чёрную краску по отдельности не продаёте? Без всех других цветов?

— Нет.

— А чёрную бумагу из пачки? Только чёрную, отдельными листками?

— Нет.

— А это у вас есть, — соображал Чуров, — ну, такое, через что срисовывают?



## 1. Чёрное сердце

— Копирка? Нет. А что тебе нужно, для чего?

— Мне нужно что-то чёрное, — сказал Чуров. — Мне нужно сделать чёрную бумагу. Только чёрную, другие цвета не нужны.

Чуров так и сказал — «мне нужно». Прозвучало хорошо. Не «я хочу», не «я собираюсь», а вот так: «мне нужно». Меня влечёт неведомая сила.

— Тушь возьми, — предложила продавщица. — Она дешёвая и чёрная, — и потрясла булькающим пузырьком.

Чуров обрадовался.

— Очень чёрная? Совсем?

— Да.

— *М-м!* — сказал Чуров.

Это был фирменный звук Чурова — тонкое не то поскрипывание, не то мычание сквозь сомкнутые пухлые губы. Такого высокого, тихого звука и не ждёшь от него, а между тем не было ничего характернее; все, кто знал Чурова, знали и его «м-м!». Это «м-м!» звучало и в момент догадки, совпадения, найденной истины; и в моменты разочарования, разоблачения; «м-м!» могло

быть саркастическим, уважительным, каким угодно, сразу всяким, — и при этом бывало всегда абсолютно одинаковым. Все оттенки смешивались в этом звуке, все интонации можно было услышать одновременно.

Тушь стояла даже дешевле маленькой лапши, которую Чуров грыз всухомятку по дороге из школы вместо обеда. И она была гораздо чернее чёрной краски. Тушь была такая чёрная, что просто выжигала свет на своём пути. После применения туши бумага должна была стать адски антибелой. Чуров положил тушь в карман и двинулся к выходу. Его кольнуло где-то внутри, но он даже не понял — страх это в сердце или жгучая капля пота на груди. Чуров распахнул дверь и, скользя, вышел в подмёрзшую слякоть.

Тут же он попал в неожиданный хоровод карнавала. То ли кришнаиты, то ли митинг, то ли Масленица или иное шествие — бубны, райские птицы и ленты на шестах, яркие шапки, дудки, расшитые золотом штаны и плащи, ало-фиолетовые платья, кружева, топот и выкрики. Чурова затолкало, повлекло. Поневоле ему пришлось попадать в ритм, он сунул руки в карманы и солидно заприплясывал. Веселящийся народец был весь одет по-весеннему — ни курток, ни шапок, тельняшки да майки.

## 1. Чёрное сердце

Сверху послышался грохот. Чуров отпрыгнул, врезался в девицу с розовыми волосами, поскользнулся, оба схватились друг за друга. Кусок льда раскололся о тротуар там, где только что прошёл Чуров.

— Ебанись! — весело прокричала девица сквозь шум проспекта.

Чуров отряхнулся и пошёл дальше своей дорогой, и тут снова его кольнул страх. Он оцупал тушь в кармане и представил, какая она чёрная. Нет, решиться на такое — не для чуровской храбрости. Но и не решиться он не мог.

Так он и думал надвое, и не думал всю дорогу, мимо всех водосточных труб, из которых по сосулькам лила нескончаемая вода, думал, поскользываясь в лужах, серый, сырой, мокрый и взъерошенный Чуров. Так думал он и продолжал так же думать, восходя к себе на седьмой этаж, крутя ключ в раскорябанной дырке, шлёпая по коридору коммуналки, стягивая ботинки, сваливая на сторону рюкзак, стаскивая куртку через голову. Думал, входя в комнату, мимо лежащей бабушки, не здороваясь, всё равно ничего не понимает, — садясь за стол, а в телевизоре между тем пели:

*— Два мини-бургера с картошкой! Попробуй в KFC!  
Ты голоден немножко! Зайди перекуси! Два мини-*

*бургера с картошкой, обеда нет вкусней! В KFC перекуси за шестьдесят рублей!*

Чуров поставил пузырёк с тушью на стол и потянул носом воздух. Бабушке следовало поменять подгузник.

Никаких памперсов ещё не было. Можно было их, конечно, достать где-либо за границей. Но мама Чурова не могла бы их достать. А бабушка Чурова уже начала писаться и какаться. И это доставляло маме Чурова массу хлопот.

И вот Чуров придумал сам, сам же и сделал, сшил на машинке двадцать пять удобных многоцветных непромокаемых памперсов в девчонском кабинете труда. Для этого он пользовался брезентовыми мешками и многослойным материалом собственного изготовления, который испытал на себе.

Это было первое самостоятельное деяние Чурова. До этого он только слушался старших.

Возможно, ему хотелось что-то сделать для бабки, хоть он и клял её про себя распоследними словами. Бабке давали «голопердин» (как называл его про себя Чуров, а на самом деле он назывался «галоперидол»). Чурову не было жалко

## 1. Чёрное сердце

бабушку, а вот маму — очень, так жалко, что он иногда плакал по ночам. Ну как плакал — всё ж в одной комнате — слёзы медленно выдавливались и текли, минуя предгорья чуровских щек, прямо в уши, откуда Чуров их с трудом выковыривал своими короткими белыми мизинцами.

Иногда утром Чурову казалось, что бабка наконец отошла, но, увы, она продолжалась. Когда ж ты отмучаешься, сука падла, — думал Чуров сугубо про себя, ему было стыдно за такие формулировки, но маму жальче. — У мамы нет жизни, зачем ты это делаешь, я так люблю маму, — молча как бы говорил Чуров бабке, выговаривал ей с негодованием, а бабка как бы молча отвечала ему — ну что поделаешь, Ванечка, никак Бог не приберёт, самой тошно уже.

Воняла не только бабка. Чуров тоже начал вонять, пахучий подросток Чуров, его носки и он сам, вечно потный, едкий, рыхловатый, специфический. Пованивали кеды, рюкзак, физкультурная форма. Сколько ни мойся, сколько ни распахивай окно комнаты в дикий космос. Там виднелись ржавые крыши, верхушки ржавых тополей, зимние подмороженные синеватые стрехи и ржавые розочки-улитки водосточных труб. — Бабуля, — кричал Чуров, поворачивая старуху на бок. — Ну что такое, помогай давай.

Телевизор показал солнечные башни и арки города Санта-Барбара. Чуров сел за стол, положил голову на руки и ещё раз, сбоку, посмотрел на пузырёк. Тушь была китайская. На этикетке были нарисованы цветы сливы и циркуль.

Чуров выдрал бумагу из середины тетрадки по географии и открыл крышку пузырёка. Кисточки у него не было. Но рисовать он и не собирался.

\* \* \*

— Я знаю, кто это сделал, — ровным голосом сказал историк где-то наверху.

И небо не упало на землю. А чего ему падать? Ну, знает и знает. Конечно, народ в классе стал переглядываться и коситься друг на друга, но без особого энтузиазма.

Чуров же притворился, что продолжает разглядывать сосульки. Той зимой сосульки выросли ого-го. Всё потому, что погода постоянно менялась. То дождик, то снег, а то стужа. Вот и выросли толстые, длинные, как удавы в тропических лесах. Согнутые, вогнутые и выгнутые, скрученные, то припорошённые снегом, а то прозрачные, целый лес сталактитов свисал с кровли.

